

Век. Москва. — 1993. — 13 июля.

Владислав БАЛАНДИН:

«ЗДРАВСТВУЙ, ЗАРАЗА, КАК ТЕБЯ ЗОВУТ?»

Старшее поколение кинозрителей помнит его по фильмам пятидесятих — шестидесятых годов, среди которых «Во власти золотая», «Хождение за три моря», «Испытательный срок», «Песня о Кольцове». Любимой зрителем, включающий телевизор сегодня, часто слышит его голос — заслуженный артист России **Владислав Федорович Баландин** более тридцати лет дублирует иностранные фильмы, и на его счету их более трехсот. Работает же артист в Новом драматическом театре, расположенном у самой кольцевой дороги.

— Как ваше драгоценное, **Владислав Федорович?**

— **ЗДОРОВ**, слава Богу. Работаю, читаю, репетирую, перемещаюсь без машины, более того — ежедневно преодолеваю огромное расстояние до своего родного театра.

— **Значит, вы в отличной форме? А ведь годы...**

— Я и начинал в форме, в буквальном смысле, и обязан ее держать. После театрального института попал в армию. В 1952 году отслужил, и мой друг Глеб Стриженов едва ли не с вокзала потащил меня показываться в Московский драматический театр (ныне — на Малой Бронной). Предстал я в хлопчатобумажной гимнастерке и здоровенных кирзовых сапогах. А потом так и репетировал в форме. Работал истово, в основном в массовках, тогда это был многолетний удел всех молодых.

— **Значит, с театром вам помог Глеб Стриженов. А потом?**

— Там — сам Эраст Павлович Гарин. Я мечтал играть в Театрестудии киноактера и попросился к

нему на разговор. «Здравствуй, зараза, как тебя зовут?» — встретил он меня. «Владислав», — отвечаю. «Это владеец славы, что ли? А меня — Эраст, в переводе — любимый», — и лукаво так посмотрел на сидящую в сторонке жену. Тут же перешел к делу: «Ты мне придурка сыграешь? А то у моего друга Матерсона Сережки (это он так Мартинсона звал) песок сыпется, а роль-то мелодая».

Так я оказался в Театрестудии киноактера и с благословения тогдашнего руководителя А. А. Гончарова начал репетировать у Гарина в знаменитом и скандальном «Мандате». После этого сразу три предложения в кино...

— **И с каким чувством вы вспоминаете те времена?**

— Ну, если честно... то с нежностью. Это был не напрасный труд, не то что теперь. Тогда кино ходили смотреть семьями, даже не по одному разу. Актеров хорошо знали, любили, но и... соответственно... относились... Горько видеть, в каком положении оказалось кино сейчас. И вообще культура. Думаю,

моим покойным друзьям было бы больно.

— **А кто эти друзья?**

— Иван Переверзев, Дмитрий Милютенко, по-отцовски заботливо учивший меня украинскому для роли Бандуры в фильме «Сорок минут до рассвета». Многие ли сегодня знают, что Милютенко — эпоха в украинском театре и кино? Степан Каюков, Николай Рыбников, Михаил Кузнецов... Боже мой, как их любили зрители!..

— **Неделю назад я услышал вас по телевизору и прильнул к экрану. Вашим голосом изъяснялся неприятный тип из американского боевика. Вскоре его пристрелили, а**

вашим голосом вдруг заговорил другой, уже благородный тип. Потом был еще один...

— Актеру что святой, что злодей — все дороги. Это профессия. Дублируя сейчас в основном так называемый закадровый. Но стремление к синхронному, игровому — остается. Приходится в одном фильме говорить за четверых, меняя тембр, окраску голоса.

— **Кого из знаменитостей вам довелось дублировать?**

— Да хотя бы Мастроянни и Сорди. А при восстановлении фонограммы «Золушки» я озвучивал несколько эпизодов за Гарина.

— **Как вы ощущаете себя в наше неспокойное время?**

— Своей судьбой я в целом доволен — моя жизнь вобрала столько!.. При всех свинцовых мерзостях, я и сегодня могу взаимодействовать с жизнью только через призму доброты, сострадания, юмора, света. Ценю ум и ответственность. Мне кажется, любой маломальски нормальный человек обязан видеть, что многое в нашей жизни сегодня просто искусственно нагнетается. Поэтому я считаю обязательные неурядицы все же явлением чисто временным. Трудно, сложно, но ни в коем случае не безнадежно.

Записал Е. ВИХРЕВ.